

УДК [94(476)-058.224:821]«18»=161.3

КРИЗИС ХОЗЯЙСТВЕННЫХ ПРАКТИК И ТРАДИЦИОННЫХ ФОРМ ВИТАЛИТИВНОЙ КУЛЬТУРЫ ПОМЕСТНОГО ДВОРЯНСТВА БЕЛАРУСИ В ОТРАЖЕНИИ РОМАНА Э.Т. МАССАЛЬСКОГО «ПАН ПОДСТОЛИЧ»

*канд. ист. наук, доц. С.О. ШИДЛОВСКИЙ
(Полоцкий государственный университет)*

Анализируются хозяйственные практики и традиционные формы виталитивной культуры поместного дворянства Беларуси на материале социального романа Эдуарда Томаша Массальского (1799–1879) «Пан Подстолич» («Pan Podstolic, albo czym jesteśmy, czym być możemy») (1831–1833). Рассматриваются причины истощения производительных ресурсов в помещичьем хозяйстве Беларуси в предреформенный период. Формулируются паттерны экстенсивного хозяйствования на примерах ведения в дворянских поместьях края полевого и лесного хозяйства, а также винокурения. Выявляются сословные стереотипы в среде поместного дворянства на белорусских землях, влиявшие на хозяйственные практики. Демонстрируется зависимость местных помещичьих хозяйств от внешнеэкономической конъюнктуры и одновременно неподготовленность большинства помещиков к использованию рыночных механизмов хозяйствования.

Введение. Использование понятия «виталитивная культура» в ряде публикаций белорусских и российских авторов последних лет можно расценивать как попытку переосмысления и применения концепта «культура жизнеобеспечения», сформулированного в русле этноэкологии, на материале традиционных архивно-исторических и археологических штудий [1, 2, 3, 4]. В развитие данной тенденции расширения источниковой базы междисциплинарного анализа отечественных практик жизнеобеспечения видится продуктивным привлечение в качестве исторического источника литературный текст первой половины XIX века – «хозяйственный роман» Э.Т. Массальского «Пан Подстолич».

Основная часть. В 30-е годы XIX века, когда был опубликован роман Э.Т. Массальского, преимуществом часть доходов помещики получали от продажи леса, зерновых и от винокурения [5]. Именно в данных сферах хозяйственной деятельности отечественных землевладельцев писатель предвидел назревание ряда проблем. В частности, он указал на признаки истощения производительных ресурсов в помещичьем хозяйстве Беларуси: «Поля наши истощены чрезмерными посевами; крестьяне приведены до разорения нашим корыстолюбием и притеснениями; леса, сокровищницы предков наших, оставленные не нам одним, но целым поколениям наследников, нашим небрежением, худо рассчитанным стяжанием, мы совершенно истребили» [6, s. 6]. Лес являлся зачастую единственным ликвидным активом местных помещичьих хозяйств, которые балансировали на грани банкротства. Причину столь удручающего состояния дворянских поместий Э.Т. Массальский усматривал в отсутствии бережливости и неразвитости предпринимательства [6, s. 10]. Стремление получить максимальную сиюминутную прибыль являлось главным движущим фактором в деятельности большинства частных владельцев лесных угодий в Северо-Западных губерниях. Расточительность – обратная сторона шляхетского молодечества и гостеприимства, которые превозносились как позитивные черты «сарматского» национального характера рядом историков и литераторов [6, s. 11]. «Потребить все в один день, разорить состояние и лишить потомство или будущих владельцев земли всех даров природы, произведенных веками: вот общая система нашего хозяйства» – так характеризуется в романе Э. Массальского подобная практика [6, s. 6]. Данный подход был типичным, стремление к наиболее быстрому получению прибыли от лесных угодий привело к затовариванию рынка необработанным лесом и снижению цены на лес-кругляк [6, s. 9]. По мнению Э. Массальского, существовала широко распространенная поведенческая схема, приводящая к этому результату. В ее основе лежала расточительность, влекущая за собой разорение, за которым следовала продажа леса на корню, массовые вырубki, сбивавшие цену на необработанную древесину, что в свою очередь подталкивало нерачительных хозяев к еще большему увеличению вырубok с целью компенсации денежных потерь вследствие удешевления леса. Последствием удешевления сырья стали также потери в заработках крестьян и мелкой шляхты, которые работали на рубке и сплаве леса [6, s. 10–11].

Сплав леса осуществлялся в балтийские порты – Ригу и Кенигсберг. Молодой некондиционный лес, который не находил спроса на западных рынках, вывозился в Киев и Кременчуг по бросовой цене [6, s. 12]. Истребление лесов приобрело настолько масштабный и стремительный характер, что в некоторых местностях традиционно богатой лесными ресурсами Беларуси, в частности, автор упоминает окрестности реки Березины на Минщине, возник дефицит строевого леса. Что касается матчового леса, он, по утверждению Э.Т. Массальского, сохранялся на территории северо-западных губерний исключительно в казенных имениях [6, s. 12]. «Хищничество» лесных хозяев не находило сдерживающих факторов ни

в общественном мнении, ни в традициях местных хозяйственных практик. Лес традиционно рассматривался как бесплатный природный ресурс, запас на черный день. Какой-либо долговременной стратегии лесопользования не существовало, дополнительные средства на развитие лесных угодий не вкладывались. Фаталистическое равнодушие – своеобразное кредо подобного рода лесопользования – выражает польская поговорка «Nie było nas, był las; nie będzie nas, będzie las» (Не было нас, был лес; не будет нас, будет лес).

Шляхетский этос и помещичий быт были чужды идеи экономии вообще и экономии леса в частности. Шляхта не ограничивала себя в топливе. Станислав Моравский ссылается на шляхетский стереотип, согласно которому у рачительной хозяйки поместья всегда должен был поддерживаться огонь в «пекарне» – на кухне на людской половине дома [7]. Дым, который курится над крышей шляхетского дома и зимой и летом, и утром и вечером, воспринимался как символ уюта и достатка. Это было в логике шляхетской гостеприимности – предусмотреть на случай неожиданных гостей возможность быстрого разогрева пищи и приготовления новых блюд. Еще один символ шляхетского гнезда, средоточие семейных вечеров – камин – также не способствовал распространению идеи экономного подхода к топливу. Критерием респектабельности был размер камина, с уважением соседская молва отзывалась об экземплярах, позволяющих сжигать целиком пни и бревна. При постройке крестьянских хат помещики экономили на камне для фундамента, но не на лесе, – сруб, поставленный на землю, быстро подвергался порче.

Герои романа Э.Т. Массальского в свое оправдание отмечали, что страны Западной Европы, которые обычно демонстрируют пример рационального ведения хозяйства, давно лишились своих лесных ресурсов и только после этого начали вводить особые меры по их защите [6, s. 7–8]. Данные наблюдения литературных героев вполне совпадают с выводами современных историков, которые видят причину перехода к новому более рациональному и технологичному этапу экономического развития в истощении природных ресурсов и невозможности их эксплуатации в прежних объемах. В этом отношении помещики Северо-Западного края шли в привычном русле современной истории – по пути наименьшего сопротивления и экстенсивного уничтожения доступных актуальному уровню развития технологий ресурсов [8, с. 80].

Э.Т. Массальский указывает на экстенсивный подход и при ведении полевого земледелия. По обычаю, озимая рожь в помещичьем хозяйстве высевалась с расчетом две четверти на крестьянскую семью («бочка на хату»). Этим количеством засеивалось около трех десятин или четыре морга земли. Однако наличествующее в хозяйстве поголовье скота, как правило, не обеспечивало в необходимых объемах органическими удобрениями засеваемые площади. Из расчетов, основанных на теоретических выкладках Э. Массальского, от одного животного (крупный рогатый скот), если оно не содержалось постоянно в стойле, можно было за год получить органического удобрения, достаточного лишь для внесения на 0,14 десятины (0,2 морга) земли. Увеличение же поголовья скота сдерживалось дефицитом лугов. Из этой ситуации был выход в расширении травосеяния, однако в «традиционных хозяйствах», где господствовало трехполье, травосеяние практиковалось редко. По мысли Э.Т. Массальского, помещичьи хозяйства, в которых не практиковалось травосеяние, экстенсивно увеличивая объемы запашки, приходили в скором времени к истощению плодородия почвы [6, s. 19].

Описывая типичное винокуренное предприятие, расположенное в поместье, автор в первую очередь обращает внимание на вопросы производственной санитарии, трудовой дисциплины и безопасности труда. Э.Т. Массальский указывает на типичные недостатки: неправильный выбор места для размещения производства (отсутствие удобных коммуникаций, близость грунтовых вод), ветхость, непригодность для производственных нужд и высокая пожарная опасность производственных строений (земляной пол, отсутствие канализации, задымленность помещения), неряшливый вид работников, присутствие на производстве посторонних лиц [6, s. 22–24].

Недостатки производства, по мнению Э.Т. Массальского, являлись следствием низкой профессиональной подготовленности винокуров, которые без специального обучения брались за управление винокурней. Специалистов, которые бы следили за надлежащим выполнением технологии, на винокуренные заводы из соображений превратно понимаемой экономии не нанимали. По наблюдению Э. Массальского, в данной среде не доверяли новшества, так как вложения, связанные с модернизацией, зачастую не давали сиюминутной отдачи. Презиралась также идея механизации труда по причине низкой стоимости услуг рабочих [6, s. 25]. Даже если помещик покупал новое оборудование, без специально обученного персонала оно не давало ожидаемого эффекта, дискредитируя саму идею технического перевооружения [6, s. 26].

Отсутствовал также должный контроль над работой винокурен со стороны владельцев-помещиков [6, s. 24]. Прямо в арендованных винокурнях происходила нелегальная продажа спиртного. Его покупателями становились преимущественно крепостные, которые в форме натурального обмена на продукты питания, иногда, как замечает Э.Т. Массальский, ворованного с панского двора, получали спиртное, которое также фактически воровалось у пана. Таким образом, владелец винокурни, самоустранившись от контроля над производством, получал многочисленные убытки: крепостные и арендаторы за счет панского добра производили свои гешефты; доступность спиртного провоцировала алкоголизацию работников фольварка [6, s. 25].

Огородное хозяйство было сферой компетенции хозяек поместья. Минимальный традиционный ассортимент помещичьих огородов состоял из посевов свеклы, капусты, моркови, картофеля и лука. Если помещица принципиально не устранилась от хозяйственных забот, то, как правило, выполняла свои обязанности с примерным усердием, в отличие от хозяев-мужчин, которые традиционно курировали полевое земледелие [6, s. 29]. Если же помещица считала для себя недостойным заниматься сельским хозяйством («имела возвышенную душу и нежный вкус», «была модной дамой»), в таком случае огородом заведовала экономка. Модная дама, как правило, снисходила лишь до оранжереи и парка. Основной же ее заботой являлся прием гостей и обновление собственного гардероба.

Наличие оранжереи в поместье рассматривалось как символ высокого статуса помещичьей семьи. Денежные вложения в содержание оранжерей были несообразны с их практической пользой. За исключением цитрусовых и ананасов ассортимент оранжерейных растений включал преимущественно экзотические декоративные растения. Редкость и цена растения составляли предмет гордости хозяйки поместья. Э.Т. Массальский не отрицает эстетическую и познавательную ценность подобных коллекций, однако ставит под сомнение этичность подобного дорогого увлечения в хозяйствах, где крепостные умирали от голода [6, s. 40–41].

При описании усадьбы «среднего» помещика писатель отмечает в первую очередь ветхий вид хозяйственных построек и экономии на материалах при их возведении [6, s. 13]. Критике подвергается и сам принцип застройки: при наличии свободной земли хозяйские постройки стоят скучено, подвергаясь опасности пожара [6, s. 13]. Располагался хозяйственный двор как можно дальше от глаз владельцев усадьбы, в самом глухом невыгодном и непригодном для хозяйственных целей участке. Он утопал, как правило, в грязи и нечистотах, которые смывались в открытые водоемы. Следствием непродуманного размещения хозяйственного двора являлась антисанитария, эпидемические заболевания животных, загрязнение водоемов, потеря значительной части органического удобрения, которого обычно доставало в хозяйстве [6, s. 13–14]. Другой крайностью Э.Т. Массальский считал застройку, при которой хозяйственный двор поднимался на высокий фундамент и обносился рвом, – в последнем случае, по мнению писателя, помещик также терял жидкое удобрение. Как пример нерационального отношения к содержанию животных Э.Т. Массальский приводит традиционную практику, при которой навоз из хлебов вывозился лишь раз в полгода. Считалось, что для улучшения его качества необходим был «замес», который производили своими ногами животные. Эта традиция, по мнению писателя, приводила к ослаблению и болезни животных [6, s. 27–28].

Ряд публицистов середины XIX века солидарно с Э.Т. Массальским акцентировали внимание на распространенном в помещичьих усадьбах Северо-Западного края явлении – наличии «долгостроя» [9, с. 45; 10, с. 173–321]. Местные помещики, перестраивая вполне пригодные и добротные дома своих отцов согласно новым веяниям моды, стремились сделать свои резиденции более респектабельными и просторными. Зачастую, начиная масштабные строительные работы, помещики не обладали достаточными средствами для их завершения, действуя по принципу «начнем, а там посмотрим». Примером подобной гигантомании и жизни не по средствам становились многочисленные «палацы», которые еще не будучи достроенными, приходили в негодность, ветшали. Многие здания носили явные следы недоделок, использовались частично, в то время как значительная часть недостроенного здания консервировалась «до лучших времен». Даже когда подобное сооружение удавалось достроить, не хватало средств для его эксплуатации, ремонта. Э. Массальский приводит пример одного из таких «дворцов»: гонтовую позеленевшую от мха крышу дома претенциозно венчали два шара, обшитые жестью и три трубы, одна из которых обвалилась, крыша в некоторых местах требовала ремонта; стены были перекошены; рамы были разнокалиберные, не во всех окнах стекло оставалось целым, помытыми из них были только те, которые относились к гостиной [6, s. 42–43].

В подобных домах интерьер был соответствующим: на всем лежал отпечаток претенциозности, недостатка средств и запустения. Э. Массальский дает следующее описание: выцветшие обои, пыльные кисейные занавесы на окнах, немые хлипкие полы, некогда побеленные потолки, покрытые паутиной, кресла, крашенные под красное дерево и покрытые грязными чехлами [6, s. 43].

Э.Т. Массальский отмечает распространение критических взглядов в отношении старошляхетских традиций в среде поместного дворянства. Однако, по мнению писателя, критически настроенные помещики на практике кардинально не меняли подходов в организации хозяйственной деятельности. Они перестраивали по новой моде «палацы» своих предков, но по-прежнему не доверяли специалистам – в данном случае, архитекторам [6, s. 16–17]. Порицая традицию, отступая от «дедовской» системы хозяйствования, которая по-своему была эффективна, они не приобрели системных научных знаний, необходимых для успешной организации рационального сельского хозяйства по западноевропейским современным образцам.

По мнению Э.Т. Массальского, большинство местного дворянства, имеющего стабильный достаток, стремилось жить в поместье по городским столичным критериям. Неотъемлемой же частью городского образа жизни являлось постоянное движение людей, отдающих визиты и принимающих гостей. На

ведение хозяйства не хватало времени, и функции управления перепоручались доверенным лицам, контроль над деятельностью которых не всегда был строг и компетентен [6, s. 33–30]¹.

Заключение. Кризис хозяйственных практик и традиционных форм виталитивной культуры помещичьего дворянства Беларуси в предреформенный период являлся следствием экономических и социальных трансформаций развивающейся в Западной Европе индустриальной экономики. Э.Т. Массальский продемонстрировал зависимость местных помещичьих хозяйств от внешнеэкономической конъюнктуры и одновременно неподготовленность преимущественной массы помещиков к использованию рыночных механизмов хозяйствования. Значимыми препонами на пути модернизации помещичьего хозяйства являлись сословные предрассудки, невежество и привычка к использованию дарового труда крепостных. Некомпетентность хозяев помещичьих усадеб проявлялась в экстенсивном использовании ресурсов – трудовых и природных, что приводило к физическому вырождению крепостного крестьянства, истощению почвы, уменьшению урожайности, потерям медленновосполняемого лесного богатства. Периодически в годы с неблагоприятными климатическими условиями подобная хозяйственная практика приводила к неурожаю с угрозой массового голода среди крепостного крестьянства.

ЛИТЕРАТУРА

1. Борисенко, Ю. Белорусский крестьянин в вихре модернизации: виталитивная культура первых десятилетий XX века на фоне социальных перемен / Ю. Борисенко // Родина. – 2014. – № 6. – С. 120–122.
2. Борисенко, Ю. От колтуна до граммофона. Динамика виталитивной культуры населения белорусских земель / Ю. Борисенко // Родина. – 2014. – № 12. – С. 122–125.
3. Дук, Д.У. Археалагічныя комплексы пасадаў Полацка – XVIII стст. (па выніках раскопак 2004–2012 гг.) / Д.У. Дук. – Наваполацк : ПДУ, 2014. – 248 с.
4. Колединский, Л.В. Виталитивная культура Витебска в конце XIII – середине XV в. (по материалам раскопок Верхнего замка) / Л.В. Колединский // Полацк у гісторыі і культуры Еўропы : матэрыялы міжнароднай навуковай канферэнцыі, Полацк, 22–23 мая 2012 г. – Мінск : Беларуская навука, 2012. – С. 437–455.
5. Шидловский, С.О. Эдуард Томаш Массальский о стратегиях эксплуатации белорусского крепостного крестьянства / С.О. Шидловский // Вестн. Полоцкого гос. ун-та. Серия А, Гуманитарные науки. – 2014. – № 1. – С. 57–60.
6. Massalski, E.T. *Pan Podstolic, albo, Czém jesteśmy, czém być możemy : romans administracyjny : w 5 częściach.* / E.T. Massalski. – Wilno : W Drukarni A. Marcinkowskiego, 1831. – Część 2 – 268 s.
7. Morawski, S. *Szlachta bracia: wspomnienia, gawędy, dialogi (1802–1850)* / S. Morawski. – Poznań : Wydawnictwo Polskie R. Wegnera, 1929. – 259 s.
8. Шидловский, С.О. Из проектов И.С. Аксакова по социокультурному обустройству Северо-Западного края Российской империи / С.О. Шидловский // Славяноведение. – № 5. – 2013. – С. 78–85.
9. Шыдлоўскі, С.А. *Культура прывілеяванага саслоўя Беларусі: 1795–1864 гг.* / С.А. Шыдлоўскі. – Мінск : Беларуская навука, 2011. – 168 с.
10. Сыракомля, У. *Вандроўкі па маіх былых ваколіцах* / У. Сыракомля // *Добрыя весці : паэзія, проза, крытыка* / уклад. і камент. У. Мархеля, К. Цвіркі ; пер. з пол. – Мінск : Маст. літ., 1993. – С. 173–321.

Поступила 11.06.2015

THE CRISIS OF THE BUSINESS PRACTICES AND TRADITIONAL FORMS OF LIFE-SUPPORT CULTURE OF THE LANDED GENTRY OF BELARUS IN THE REFLECTION OF THE NOVEL BY E.T. MASSALSKY «PAN PODSTOLIC»

S. SHYDLOUSKI

In the article business practices and traditional forms of life-support culture of the landed gentry of Belarus on the material social novel by Edward Tomas Massalsky (1799-1879) «Пан Подстоліч» («Pan Podstolic, albo czym jesteśmy, czym być możemy») (1831-1833) are analyzed. The causes of the depletion of the productive resources in the manorial economy of Belarus in the pre-reform period are examined. Patterns of extensive economy, examples of reference in the noble estates of the edge of the field and forestry, as well as distilling are formulated. A class stereotypes in the environment of the landed gentry in the Belarusian lands, influencing farming practices is identified. The dependence of local landowners farms on external economic conditions and a lack of a majority of the landowners to the use of market-based economic mechanisms are demonstrated.

¹ Публикация осуществлена при финансовой поддержке БРФФИ, проект Г14Р-013 «Образ жизни и бытовой уклад населения белорусских земель: динамика трансформации (XVI–первая половина XX в.)».